

18+

Геннадий Дмитриев

Притча о выборе

Сборник рассказов

Геннадий Дмитриев

**Притча о выборе.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Дмитриев Г.

Притча о выборе. Сборник рассказов / Г. Дмитриев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982017-4

«Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу». Так говорил герой рассказа О'Генри «Дороги, которые мы выбираем». Герои этих рассказов живут в разные эпохи, все они разные, совершенно разные: тут и альпинисты, идущие нехоженными путями, и моряки, и пираты, и отставные офицеры, и террористы — объединяет этих людей одно — выбор, перед которым их ставит судьба, заставляет их сделать то, что внутри них.

ISBN 978-5-44-982017-4

© Дмитриев Г.
© Издательские решения

Содержание

Дороги, которые мы выбираем	6
Крысолов	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Притча о выборе Сборник рассказов

Геннадий Дмитриев

© Геннадий Дмитриев, 2020

ISBN 978-5-4498-2017-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дороги, которые мы выбираем

*Дело не в дороге, которую мы выбираем;
то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу.*

О Генри «Дороги, которые мы выбираем»

Посадочная площадка альпинистского лагеря приютилась в горной долине. Саша уменьшил газ и отдал ручку управления от себя, переводя на снижение старенький «Як-12». Раз в неделю он доставлял в лагерь почту и продукты, иногда брал пассажиров. Развернув самолёт по створам посадочных знаков, он перевёл кран управления шагом винта в положение «малый шаг», и выпустил закрылки. Земля приближалась. И когда стало видно, как стебельки травы чуть колышутся под ветром, Саша убрал газ, выровнял самолёт, и, выдерживая его в нескольких сантиметрах от земли, посадил на зелёную, чуть примятую колёсами шасси траву. Срулил с полосы, выключил двигатель.

К самолёту двигался человек средних лет, спортивного телосложения.

– Здравствуйте, Николай Петрович! – приветствовал его Саша, спрыгнув с подножки на траву.

– Ну, здравствуй, Саша, что привёз? – ответил Николай Петрович, вот уже семнадцатый год бесценно занимавший должность начальника альпинистского лагеря.

– Как всегда: продукты и почту.

– Обратно когда летишь? Почту захвати.

– Да, сейчас разгрузюсь и обратно. Только вот..., – взгляд его бродил по палаточному городку. – Сейчас, вот только

– Да, не ищи, нет её в лагере.

Саша, широко открыв глаза, смотрел на Николая Петровича. Тот усмехнулся.

– Думаешь, не знаю, кого ты ищешь? Ларисой её зовут. Ушла она вчера с группой Родионова на Кемаль-Бурун. Через неделю вернётся.

Саша увидел её в альплагере неделю назад. Что-то произошло в нем, что, он ещё и сам не понимал. Эта хрупкая девочка в простой брезентовой штормовке, с короткой стрижкой, в одно мгновение заполнила всю его жизнь. Он не знал её имени, не пытался подойти к ней и заговорить. Нет, ни смущение, ни робость останавливали его. Он боялся, что очарование образа, который возник в его сознание слишком хрупко. Боялся, что одно неверно сказанное слово, один взгляд, брошенный вскользь, могут разрушить это хрупкое, нежное очарование.

Он взглянул вдаль, где на фоне неба маячил синеватый пик Кемаль-Буруна. Посмотрел и вздохнул.

– Они пойдут по восточному склону, – продолжал Николай Петрович. – Там ещё никто никогда не ходил.

– Но почему? – спросил Саша. – Почему не по Западному, по которому уже ходили? Ведь так проще добраться до цели?

– Важна не цель, а дорога, которую мы выбираем. Альпинисты выбирают пути, которыми ещё никто не ходил.

– Потому, что это спорт?

– Нет, Саша, потому, что это жизнь. В жизни не бывает проторенных путей. Каждый идет своим путем, своей дорогой. Вся наша жизнь – это дороги, которые мы выбираем. Один выбирает покой и уют, другой – блеск вершин и синеву небес. Хотя и того и у другого цель может быть одна, но не в цели суть, а в дороге.

Пока они беседовали, самолёт разгрузили, и Саша собрался в обратный путь. Николай Петрович взглянул на запад и покачал головой.

– Поторопись, Саша. Видишь, там, над Чугуром облачко дымится. Не к добру это.

Саша посмотрел в сторону горного массива Чугур-даг, чуть заметное легкое, почти невидимое облачко клубилось над ним.

– Так, Чугур-даг вот где, на западе, а мне на восток, через Ангорский перевал, в Южногорск. Да и метеослужба ничего плохого не обещала.

– Метеослужба! – хмыкнул Николай Петрович. – У меня своя метеослужба. Я уж, почитай, без малого двадцать лет в этих горах. Если над Чугуром облачко задымилось – ничего хорошего не жди. Эх! Родионова бы предупредить! Он, конечно, альпинист опытный, но группа уже вышла на маршрут, а оттуда Чугур им не виден. Сеанс связи с ними только вечером. А это поздно. Саша, слушай! Часа два у тебя есть. Сможешь отыскать группу, и сбросить им вымпел с запиской?

– Постараюсь, – ответил Саша.

– Нет, «постараюсь» – это не то. Сможешь или нет?

– Смогу.

– Ну, давай. Только смотри, если через час группу не обнаружишь – уходи, в горах не задерживайся. А то заметёт так, что и здесь уже не сядешь, и через перевал не пробьёшься. Ты понял?

– Понял, Николай Петрович.

– Тогда лети, сейчас записку им напишу, дашь красную ракету, и вымпел сбросишь. Ну, счастливо тебе, сынок!

Саша взлетел, набрал высоту и развернул машину в сторону Кемаль-Буруна. Через полчаса полета он достиг того района, где группа Родионова должна была выйти на маршрут. Прошло ещё полчаса поисков, но альпинистов нигде не было видно. Саша связался с альплагерем:

– «Гора», я двадцать второй, группы не вижу.

– Саша, уходи, уходи на восток. У нас уже сесть невозможно!

– «Гора», я двадцать второй, поиски продолжаю. Погода в норме.

– Саша, уходи! Через полчаса облака перевал закроют!

Но Саша упорно продолжал поиски, ведь там, в группе Родионова, была она! Наконец, он увидел группу. Саша снизился, прошел над самыми головами альпинистов, и дал красную ракету. Сделал второй заход, сбросил вымпел. Набрал высоту, с разворота он увидел – вымпел подобрали.

– «Гора», я двадцать второй, группу обнаружил, вымпел сбросил! Ухожу к перевалу!

Но пройти перевал он уже не успел. Погода в горах меняется быстро. Только что светило солнце, и казалось, ничто не предвещало беды. Но вот уже всё небо заволокли тяжёлые облака, поднялся штормовой ветер, началась пурга.

Маленький, лёгкий самолёт швыряло, как щепку. Прошел ещё час безумия вьюги, и Саша понял, что от перевала его отнесло опять к Кемаль-Буруну. Внизу только скалы. Сесть негде. Начала расти температура масла. Видимо обледенел маслорадиатор. Саша прикрыл створки, температура упала. Но едва успел он справиться с одной бедой, как пришла новая – обледенение крыльев и фюзеляжа. Слой льда нарастал на лобовом стрингере крыла, машина дрожала, теряя скорость и высоту.

Когда стало ясно, что в воздухе машину не удержать, Саша направил её вдоль склона, стараясь смягчить удар. Он успел выключить зажигание и закрыть пожарный кран. Самолёт скользнул по склону, и, сломав левое шасси, скапотировал, задрал вверх хвост, уткнулся мотором в снег. Что-то больно ударило в левую ногу. Пытаясь вылезти из кабины, Саша понял, что ногу заклинило между педалью и поврежденной от удара обшивкой. С трудом, превозмо-

гая боль, он освободил ногу, и вывалился на снег. Вскочил. Но страшная боль в ноге уложила обратно. В глазах потемнело.

Над головой свистел ветер, заметая снегом и самолёт, и неподвижное Сашино тело. Он знал, что оставаться на месте нельзя, нужно двигаться, несмотря на боль, если нельзя идти, то нужно ползти. Он полз, хватаясь за снег руками и упираясь здоровой ногой. «Только не останавливаться! – думал он. – Остановиться – замёрзнуть». Он временами терял сознание, приходил в себя и снова полз. Наступила ночь. Хотелось остановиться и уснуть, провалиться в блаженство ночи. Но он знал: сон – это смерть. Движение, только движение. Непогода под утро утихла. Но и силы покидали его. И тут он увидел...

Метрах в ста от него, по склону шли в связке два альпиниста. Он пробовал закричать, но только слабый хрип вырвался из груди. Сейчас они уйдут, и всё. Кроме группы Родионова здесь никого нет. «Ракету, надо дать ракету!» Саша окоченевшими пальцами расстегнул кобуру, вытащил ракетницу, и поднял руку. И только сейчас он заметил: за альпинистами тянулся красный лавинный шнур. «Склон лавиноопасен! Нельзя стрелять! Звук выстрела может вызвать сход лавины!» «Всё, всё, конец» Он уткнулся лицом в снег, в глазах потемнело.

Когда он открыл глаза, было тепло и тихо. Её лицо склонилось над ним, она улыбнулась:

– Ну, слава Богу! Пришёл в себя! Почему ты не выстрелил? Мы бы прошли мимо и не заметили тебя! Мне показалось, что кто-то смотрит на меня снизу, я обернулась и увидела тебя. Почему же ты не дал ракету?

– Склон лавиноопасен. Побоялся, что от звука выстрела сойдет лавина.

– От звука ракетницы лавина бы не сошла. Склон опасен, но не настолько, иначе бы Родионов не пошёл этим путем. Мы шли с ним на разведку маршрута, вчера снега много навалило, нужно было посмотреть, можно ли пройти к западному склону. Ты как себя чувствуешь? Двигаться можешь?

– У меня нога сломана.

– Дай, посмотрю. Нет, нога не сломана, это вывих. Сейчас попробую вправить. Не бойся, я – врач-травматолог. Профессия не лишняя в группе альпинистов.

Лариса сжала сустав, Саша застонал.

– Потерпи, потерпи, миленький, потерпи, я сейчас!

Он готов был терпеть любую боль, лишь бы снова услышать это «миленький»

– Ну, вот и всё. Как ты?

Пот катился с побледневшего лица, но боль прошла, стало легко и спокойно.

– Всё нормально, спасибо, – ответил он.

– погоди, я сейчас тугую повязку наложи. Полежи пока, не двигайся. Родионов ушел к ребятам за помощью, они внизу, в базовом лагере остались. Вдвоём мы тебя не спустили бы. К вечеру Родионов с ребятами вернётся. Будем спускаться.

– Где мы?

– На базальтовом плато.

Их разговор прервал нарастающий гул лавины.

– Что это? – спросил Саша.

– Лавина. Далеко. Пойду посмотрю, лежи.

Выйдя из палатки, Лариса увидела, что лавина сошла не так уж и далеко от них, главное поняла она – помощь уже не придет, ни сегодня к вечеру, ни завтра. Скальные ворота, единственный путь на базальтовое плато, завален лавиной.

– Что там?

– Ничего, всё в порядке.

Прошел день, другой. Помощи не было. Погода снова испортилась. Поднялся ветер, низкие облака укрыли горы, окутали базальтовое плато туманом. Лариса отдавала все оставшиеся продукты Саше, сама уже четвертый день не прикасалась к еде.

– Ешь, ешь Саша, тебе поправляться надо.

– А ты ела?

– Да, конечно, – лгала она.

Родионов с группой вернулся в альплагерь за помощью. Из Южногорска прилетел командир авиаотряда Владимир Иванович Дёмин на «Як-12». Все они собрались у Николая Петровича обсудить возможные варианты спасательных работ.

– Через скальные ворота сейчас не пройти, – сказал Родионов. – А другого пути просто нет.

– А если подняться на Кемаль-Бурун по западному склону, и по восточному спуститься на плато? – спросил Николай Петрович.

– Подняться по восточному склону ещё можно, а спуститься никак нельзя. Там по пути два отрицательных склона. Если подняться по этому склону и пробить крючья, что мы и собирались сделать, то спуститься можно было бы. А так нет.

– Тогда остается одно, – сказал Владимир Иванович, – попробовать приземлиться на базальтовом плато на «Як-12».

– Лучше на вертолёте.

– Лучше. Но нету у нас в отряде вертолётков. Как только установится погода, полечу туда, может, удастся посадить самолёт.

– Не стоит, Владимир Иванович, – ответил Николай Петрович. – Хочешь к тем, двоим добавить ещё и себя? Там же никто на самолёте не садился.

– Вы тоже ходите там, где никто ещё не ходил. Вот и я попытаюсь сесть, где никто ещё не садился. Как ты говоришь: «Важна дорога, которую мы выбираем»?

Утром Саша услышал над плато звук мотора «Як-12».

– Самолёт! Слышишь, самолёт! – пытался он разбудить Ларису. Но она, обессиленная от голода, слабо ответила: «Слышу, слышу», и вновь провалилась в забытие.

Саша вышел из палатки. Самолёт два раза прошел над самой площадкой, и сел. Саша помог Ларисе выбраться из палатки, радостно сообщив, что пилоту удалось посадить самолёт.

– Владимир Иванович, как Вам удалось здесь приземлиться? – спросил Саша.

– Приземлиться то удалось. Вопрос в том, удастся ли взлететь? Площадка короткая, плюс высота, да снежный покров. Помнишь рассказ О. Генри «Дороги, которые мы выбираем»? «Боливар не вывезет двоих». Сейчас именно тот случай. Кому-то придется остаться на плато.

– Я останусь! – крикнул Саша.

– Нет, нет! Ему надо лететь! Останусь я! – отозвалась Лариса.

Но Владимир Иванович только усмехнулся:

– Да во мне одном веса больше, чем в вас двоих. Так что, оставаться придется мне.

– А кто же взлетит? – спросил Саша.

– Вот ты и взлетишь.

– Но у меня нет опыта, я не смогу.

– Сможешь. Все когда-то приходится делать впервые. А за мной прилетишь потом.

– Но ведь... – начала Лариса и умолкла.

Все понимали, что никакого «потом» уже не будет. Рев двигателя на взлётном режиме неизбежно вызовет сход лавины, которая сметёт с площадки всё.

– Когда будем взлетать, – сказала Лариса, – уйдите туда, под карниз, там безопаснее.

Саша запустил мотор, и, удерживая машину на тормозах, вывел двигатель на взлётную мощность. Мотор взревел, сотрясая окрестные горы. Саша отпустил тормоза и начал разбег. Самолет оторвался у самого конца площадки. Он набрал высоту, развернулся. Лавина сошла. На площадке никого не было. Только белые клубы снежной пыли, как облака, дымились над базальтовым плато.

Через пять дней группа спасателей, спустившись по восточному склону на плато, путём, которым ещё никто не ходил, обнаружила под завалами снега, у карниза, Владимира Ивановича, без сознания, но живого.

Геннадий Дмитриев Одесса – 2008

Крысолов

Они крадут и продают с пользой, удивительной для честного труженика, и обманывают блеском своих одежд и мягкостью речи. Они убивают и жгут, мошенничают и подстерегают; окружаясь роскошью, едят и пьют довольно и имеют все в изобилии.

А. Грин

Сознание медленно возвращалось, и когда я снова открыл глаза, передо мной была непроглядная темнота, только звуки просачивались сквозь неё. Журчала вода за бортом, слышались мерные удары волн по обшивке, – судно шло, то поднимаясь, то снова опускаясь на крутой волне. Был ветер в снастях, что-то скрипело, звенело в такт размаха судна – обычные звуки, с которыми я уже свыкся за время плавания. Попробовал пошевелиться, но веревка впилась в тело – меня связали и бросили в трюм.

С ужасом вспоминал я подробности прошедшего дня: нас атаковала пиратская бригантина, команда, во главе с капитаном, сопротивлялась отчаянно, но пираты значительно превосходили нас числом, и вскоре всё было кончено. В живых не оставили никого, раненых матросов и пассажиров пираты заперли в трюме нашего корабля, а когда пиратская бригантина отошла на некоторое расстояние, в сторону нашего корабля полетели зажигательные ядра, брандскугели. Они разрывались на палубе, поджигая всё, что могло гореть. Корабль пылал, а с ним горели и люди, запертые в трюме; когда кому-то из них удавалось выбраться на горящую палубу, пираты стреляли в него, не давая добраться до борта. При этом старались не убить, а ранить, чтобы те, кто искал спасение в воде, находили свою смерть в огне.

Пираты смеялись, наблюдая за тем, как мечутся люди по палубе горящего судна, как вспыхивает на них одежда, и они, катаясь по дымящимся доскам, пытаются сбить пламя; тех, кто пытался броситься за борт, настигали пули. Так они все и сгорели, сгорели заживо под свист пуль и смех своих палачей.

Только меня оставили они на своей бригантине, не знаю, почему они не сожгли меня вместе со всеми, я смотрел, как гибнут те, с кем свыкся за время плавания. Среди них был юнга, совсем ещё мальчик, он любил слушать, когда я играл на флейте, душа его была чиста и безгрешна, но пираты не пощадили и его.

Слёзы текли по моим щекам, до боли в пальцах сжимал я флейту, а пираты, смеялись, плясали, и кричали мне, чтобы я играл, чтобы мои товарищи умирали с музыкой. Я ответил им, что все они будут гореть в аду, что придёт время, и они ответят за всё, и тогда я сыграю им такую музыку, от которой у них кровь застынет в жилах. Они связали меня и бросили в трюм, падая, я ударился о что-то головой и потерял сознание.

Почему они не убили меня? Я не матрос, не воин, не купец, я не держал в руках оружия, у меня нет ни золота, ни серебра, только флейта – это всё, что у меня есть. Я плыл в Новый Свет, чтобы услышать звуки первозданной природы, природы девственной, не тронутой развратом Старого Света. Я плыл за музыкой, которую пронизанная пошлостью, погрязшая в грехах Европа уже никогда не сможет родить.

Это неправда, будто композитор сочиняет музыку, человек ничего не может сочинить, музыку рождает природа: неистовый шум водопада, тихое журчание ручья, шепот листвы, завывание ветра, шум дождя – душа музыканта переболев этими звуками, выстрадав их, разрешается пением флейты, говором клавесина, плачем скрипки, громом литавр.

Я выпитывал эти звуки первозданной природы, я жил ими, я пил их, как жадно пьёт воду из ручья усталый, измученный жаждою путник, я страдал ими, и флейта моя рождала новую,

таинственную мелодию, которую никто никогда не слышал там, в Старом Свете. Но, видимо, никому уже не суждено услышать музыку, рожденную моей измученной душой. Меня продадут в рабство в каком-нибудь пиратском порту, и музыка моя умрёт вместе со мной, так и не успев родиться.

Глаза постепенно привыкли к темноте, и я разглядел в квадрате открытого люка, прямо над головой, тёмное ночное небо – ни звезд, ни луны, только тьма, пронизанная ветром. Внимание моё привлёк какой-то новый, незнакомый звук – странные шорохи, возня, попискивание. Я с ужасом понял – это крысы, те самые корабельные крысы, живущие в трюмах. Слышал, как полчища голодных крыс набрасывались на людей и съедали их живьём. Стали жутко и холодно. Если они нападут на меня, я не смогу даже пошевелиться.

Ночь была на исходе, неясные очертания внутренностей корабля стали едва различимы, и там, в углу, шевелилась серая, жуткая, бесформенная масса живых существ. Я замер в ожидании развязки. Время шло, но крысам не было до меня никакого дела, они были заняты чем-то более важным, чем моё грязное, пропахшее потом и затхлой водой трюма, истерзанное тело.

Крысы издавали какие-то неясные звуки, и казалось, они разговаривают между собой на человеческом языке, смеются над теми, кто живьём сгорел на ограбленном корабле, и надо мной, тем, кого приготовили им на ужин те, кто наверху. Мне показалось, что те, кто наверху, такие же крысы, как и те, что внизу, в трюме. Нет, они не люди, нет, разве люди могут так поступать? Разве люди могут жечь других людей? Разве могут люди смеяться, видя, как умирают в огне такие же, как и они, из плоти и крови, те, кто не чинил им зла, кого ограбили и сожгли, чья вина состоит только в том, что и они хотели жить?

Когда совсем рассвело, одна из крыс заметила меня, она осторожно подошла, потягивая воздух длинным усатым носом, взобралась мне на грудь, и внимательно смотрела на меня чёрными с красноватым отблеском глазами. Подбираясь ближе к моему лицу, она наткнулась на верёвку, которой меня связали, и стала обнюхивать её.

– Перегрызи верёвку, ну, что тебе стоит? – тихо попросил я.

Крыса подняла мордочку, определяя, откуда исходит звук, и, как будто вняв моей просьбе, стала грызть верёвку, видимо, засаленная, грязная верёвка пахла чем-то съестным. Когда крыса завершила свою работу, я пошевелился, освобождаясь от пут, и она испуганно отскочила в сторону, продолжая наблюдать за мной. Я осмотрелся, флейта моя лежала рядом, они бросили её в трюм вслед за мной.

Я открыл футляр, достал флейту и прикоснулся губами к мундштуку. Сердце радостно затрепетало. Но что толку от того, что флейта моя со мной? Меня разлучат с ней, как только мы придём в порт, если, конечно, эти мерзкие твари не сожрут меня раньше. Что я могу сделать один против целого полчища крыс? Всё моё оружие – только флейта, я не воин, не крысолов, я только флейтист. Крысолов. Флейта. Что-то знакомое шевельнулось в памяти, крысолов, вооруженный флейтой, победил целое полчище крыс. Но это легенда, всего лишь легенда.

В давние времена город Гамельн наводнили крысы, откуда они пришли, зачем, – никто не знал; крысы уничтожили все съестные запасы, нападали на людей, и люди никак не могли истребить их. Тогда бургомистр заявил: если найдется тот, кто избавит город от крыс, он даст ему столько золота, сколько тот сможет унести. Время шло, и, несмотря на обещанную награду, никто не мог противостоять полчищам крыс. И вот, однажды, в город пришёл музыкант, играя на флейте, он увлёк за собой стаю крыс, заполонивших город, и утопил в реке Везер, но когда городские власти отказались выплатить награду музыканту, он чарами волшебной музыки увел за собой детей на гору, где они и пропали.

Но куда я могу увести крыс? Когда я сам пленник? Мне не выбраться отсюда уже никогда. Когда корабль тонет, крысы покидают его. Но корабль уверенно шёл по крутой волне, об этом говорили привычные звуки, а тонущее судно рождает иные звуки, я мог себе представить их, я знал, какие звуки рождает разбитый волнами корабль. Я обещал вам музыку, от которой у вас

застынет кровь в жилах, слушайте, вот она! Слушайте, слушайте крысы, те что внизу и те, которые наверху!

Я понёс флейту к губам. Грохот волн, треск ломающихся шпангоутов, рев воды, врывающейся в трюмы – эти страшные звуки рождала флейта, торжественная мелодия гибели наполнила трюм корабля; крыса, освободившая меня от пут, в ужасе рванулась наверх, за ней ринулись остальные.

Пираты, увидев, как крысы покидают корабль, пришли в ужас. Они кричали, метались по палубе, лихорадочно спускали шлюпки. Вскоре наступила тишина. Выбравшись из трюма, я понял, что остался один. Пираты оставили корабль, уйдя на шлюпках вслед за крысами в океан. Я был свободен, но я не моряк, я только флейтист, и если я имею власть над теми, кто слышит музыку, то я совершенно не умею управлять кораблём, я не знаю, куда он плывет, что нужно делать с рулём и парусами, чтобы корабль плыл в нужном мне направлении.

Я свободен, но я не знаю, что несёт мне эта свобода – гибель или спасение.

Геннадий Дмитриев Одесса – 2015

Пират

Торговый бриг «Виктория» шёл из Портленда к берегам Америки. Капитан Джон Тейлор был не на шутку встревожен. Ещё утром он заметил на горизонте паруса. С каждым часом они всё чётче вырисовывались на фоне безоблачного неба. В этих местах орудовал печально знаменитый пират, по прозвищу Чёрный Джек, гроза морей и океанов. Среди моряков ходили легенды о его беспредельной жестокости. Тейлор приказал поднять все паруса, но неизвестный корабль неумолимо приближался. Если ничего не изменится, то к вечеру он догонит «Викторию».

«Давно надо было поставить корабль в док, почистить дно от ракушек, – ворчал капитан. – Сколько раз говорил я Лаймену, что пора сделать „Виктории“ серьёзный ремонт, но жадность этого купчишки сейчас может привести к беде» Днище брига обросло ракушками и он, царапая воду корявым дном, уже не скользил, а полз по волнам. Из всего вооружения двадцати пушечного брига оставили только пять орудий, и всё ради лишней пары тонн груза. Так что в случае нападения пиратов и отбиваться нечем.

Владельцем корабля официально считался Тейлор, но фактически заложенная за долги «Виктория» давно стала собственностью купца Лаймена, и капитан не мог без его согласия даже отремонтировать порядком изношенную посудину.

На корабле кроме груза, команды да нескольких пассажиров, плыл и сын Лаймена Бенджамен со своей невестой Элизабет. Элизабет, юная романтическая натура, давно уговаривала жениха, вместе отправиться в плавание, посмотреть на берега далекого, загадочного Нового Света. Но Бенджамен противился желанию невесты, как мог. Он не был любителем морских путешествий. Вопреки расхожему мнению, что каждый англичанин, должен хоть раз в жизни совершить кругосветное плавание, он предпочитал пыльные лабазы отцовской компании свежему ветру дальних дорог. Но настойчивость очаровательного юного создания сломала его сопротивление, и вынудила обратиться с просьбой к отцу. Отец не возражал, считая, что в дальнем плавании сын приобретет столь необходимый ему опыт в торговых делах.

Молодые люди стояли на палубе и любовались бесконечным простором океана, не сознавая ещё той опасности, которую всем существом своим ощущал капитан. Он то и дело подносил к глазам подзорную трубу, оценивая расстояние до неизвестного корабля. «Хорошо, если это просто торговое судно, идущее по тому же маршруту» – думал Тейлор, но настойчивость, с которой неизвестный корабль преследовал «Викторию», настораживала.

К вечеру, но гораздо раньше, чем рассчитывал капитан, неизвестное судно нагнало бриг. С угасающей надежной Тейлор вглядывался в силуэт корабля, стараясь разглядеть его флаг. Но когда, наконец, ему это удалось, он понял – никакой надежды уже не осталось. Их пре-

следовала бригантина. На флагштоке развевался «Веселый Роджер». Капитан отдал команду готовиться к бою.

Элизабет, впившись в руку своего спутника, дрожащим голосом говорила:

– Боже мой! Боже мой! Ведь это же пираты! Бенджамен, что с нами будет? Они убьют нас?!

Но побледневший Бенджамен молчал.

Матросы стояли с зажженными пальниками у пушек, пиратский корабль поравнялся с бригом. Пират не открывал огня. Не торопился и капитан «Виктории». Силы не равны, и первым открыть огонь – однозначно обречь себя и команду на гибель. А так ещё оставалась слабая надежда: ценой потери товара сохранить жизнь.

Капитан бригантины, приложив рупор к губам, крикнул:

– Эй, приятель! Советую тебе убрать матросов от пушек и спустить паруса, а то мои канониры понаделают дырок в твоих бортах!

Тейлор покорно выполнил требование пирата.

– Абордажные крючья готовы! – гаркнул пират своей команде.

С глухим звуком ударился борт бригантины о борт «Виктории». Пираты крючьями сцепили два судна, и беспорядочной толпой хлынули на палубу брига.

Когда груз «Виктории» перекочевал в трюмы пиратского корабля, всю команду, кроме капитана, Бенджамена и Элизабет, заперли в трюме брига. Отойдя на некоторое расстояние, бригантина тремя залпами всех пушек левого борта отправила на дно «Викторию» вместе с командой и пассажирами.

Капитан Тейлор, Бенджамен и его бедная спутница, поражённые жестокостью пиратов, молча стояли на палубе в ожидании своей участи. Предводитель головорезов, крепко сложенный пират с густой черной бородой и потемневшим от солнца и ветра лицом, оценивающе разглядывал пленников. Он подошел вплотную к Элизабет, схватил её за руку, и потащил за собой:

– Со мной пойдёшь! Деввка! – сказал он, смачно прищлепывая губами.

Элизабет плакала и упиралась:

– Бенджамен! Бенджамен! – кричала она, обращаясь за помощью. – Ну, сделай же что-нибудь!

Но Бенджамен не двигался с места. Капитан Тейлор бросился к пирату, пытаясь оттолкнуть его и освободить руку несчастной девушки, но отброшенный мощным ударом кулака в грудь, упал на палубу. И тут к атаману подскочил молодой пират, ещё юноша, и гневным голосом крикнул:

– Эй, Джек! По какому праву ты тащишь ее к себе! Мы ещё не разделили добычу! Оставь её! Ты ведь знаешь законы!

– Она моя, – прохрипел пират. – Заткнись, щенок! Не тебе учить меня законам! Уйди с дороги!

– Ах, так! – воскликнул юноша, выхватывая шпагу. – Я буду драться с тобой! Бери шпагу и защищайся!

– Что? Ты будешь драться со мной? Со своим капитаном? Ах, ты дрянь! А ну прочь с дороги, селедка вонючая! Раздавлю, как мидию!

Юноша направил шпагу в грудь капитану:

– Если ты сейчас же не отпустишь её, я проткну твою жирную тушу!

Капитан отшвырнул руку девушки и выхватил шпагу:

– Ну, щенок, держись! Пожалеешь о своей глупости!

Он сделал выпад всей глыбой тела в сторону противника, но юноша увернулся от удара. Капитан обладал огромной силой, но был тяжёл и грузен, а его юный соперник ловок и проворен. Молодой пират не атаковал первым, а ждал выпада капитана, ловко уходя от него, и не дав закончить атаку, наносил удар с самой неожиданной стороны. Но на могучее тело капитана

эти удары действовали, как укусы комара. Но если вы один, а комаров целый рой, состояние ваше будет незавидно.

Получив ряд ударов, капитан уже чувствовал себя не так уверенно, как в начале поединка. Сквозь одежду проступила кровь. Он больше не исторгал проклятий в адрес юноши, а лишь тяжело сопел. Выпады его становились вялыми и неуклюжими. Во время одного такого выпада юноше удалось выбить у него шпагу.

Обезоруженный капитан отступал, пока не уткнулся спиной в мачту. Юноша приставил шпагу к горлу противника:

– Я победил тебя, Чёрный Джек! Теперь она моя!

– Черта с два ты получишь ее! – прохрипел в ответ капитан, но пираты неодобрительно зашумели. Большинство было на стороне юноши, он победил соперника в честном бою и имел полное право распоряжаться добычей. Капитан вынужден был уступить:

– Чёрт с тобой, щенок, забирай эту девку.

– Идемте со мной, мисс, – сказал юноша, обращаясь к Элизабет. – Теперь здесь Вас никто не посмеет обидеть. Вот моя каюта, входите.

– Как? – удивилась девушка. – У Вас своя каюта? Разве Вы не живете вместе с матросами внизу?

– Мой отец был капитаном этого корабля, это была его каюта, но он погиб в бою, а каюту сохранили за мной. Моего отца уважали, он был настоящим моряком.

Юноша отворил дверь каюты. Они вошли.

– Меня зовут Джим, – представился юноша.

– Элизабет, – ответила девушка, протягивая ему руку.

Джим прикоснулся к нежной руке пленницы, и ощутил, как забилося сердце в груди.

– Не бойтесь, мисс, я не причиню Вам вреда. Как только мы зайдём в порт, я посажу Вас на корабль, и Вы сможете вернуться домой.

– Спасибо, Джек, Вы очень добры ко мне, Вы настоящий джентльмен.

– Я, джентльмен удачи, мисс! Таким был и мой отец. А этот Чёрный Джек – просто грязная свинья.

– Вы не бойтесь, что Джек расправится с Вами?

– Нет, мисс, он меня не тронет. Команда не даст меня в обиду, все они ненавидят Джека, когда-нибудь он получит «черную метку», и тогда капитаном стану я! Я заведу на корабле такие прядки, какие были при моем отце. Он был справедлив, его любила вся команда. Он не позволял себе творить такие мерзости, какие творит Джек. Мой отец никогда не расправлялся с пленными, а отпускал их, забрав добычу. Он даже оставлял побеждённым достаточный запас еды и питья, чтобы они могли добраться до порта.

– Скажите, Джим, а что будет с капитаном Тейлором и Бенджаменом?

– Не беспокойтесь, мисс, Чёрный Джек не станет убивать их, он захочет получить выкуп. Мы придем в порт, и там наверняка найдутся богатые англичане, желающие выкупить их из плена.

– А если таких не найдется?

– Ну, не знаю. Тогда продаст кому-нибудь.

– Как продаст? Разве можно продавать людей?

– Но ведь продают же негров.

– Так то негры, а они же англичане!

– Какая разница, мисс. Но не переживайте, всегда найдутся добрые люди, которые сжалятся над несчастными, и дадут Чёрному Джеку деньги в обмен на их свободу.

– А Ваш отец тоже продавал людей?

– Нет, мисс, что Вы! Мой отец никогда не опускался до такой мерзости! Он был настоящим моряком, джентльменом удачи! Посмотрите, вот его инструменты.

Джим показал Элизабет навигационные инструменты: секстант, астролябию, компас.

– С помощью этих инструментов можно определить место корабля в океане. Я умею всем этим пользоваться, мисс! Отец научил меня. И если Чёрный Джек меня убьёт, то никто уже не сможет привести бригантину в порт.

Джим рассказывал юной леди о морях и штормах, о боях и абордажах, о дальних странах. А она слушала его рассказы с замиранием сердца, поражаясь тому, как много довелось повидать этому юноше за свою короткую, полную опасностей жизнь. И в глазах Элизабет этот юный моряк не шёл ни в какое сравнение со скучным, унылым Бенджаменом, погрязшим в ворохе бумаг, счетов, накладных, среди пыльных лабазов в монотонных серых буднях, где не было места романтике и приключениям.

В разговорах они не заметили, как солнце уже повисло над горизонтом и коснулось края воды, озарив волны океана багровым, кровавым цветом. Наступили сумерки, близилась ночь.

– Оставайтесь здесь, в моей каюте, – сказал Джим юной леди, – а пойду вниз, к матросам, чтобы не смущать Вас.

– Спасибо, Джим, Вы благородны и очень добры ко мне. Но мне будет страшно оставаться здесь ночью одной, что если Чёрный Джек ворвется в каюту?

Сердце молодого пирата забилося сильнее при этих словах юной красавицы.

– Не беспокойтесь, мисс, я запиру каюту ключом, и никто не сможет войти сюда, здесь Вы в безопасности, – сказал Джим и, пожелав спокойной ночи, ушел.

Ночь действительно выдалась спокойной, а утром Элизабет разбудил гром пушечной канонады. Шел бой. Перед самым рассветом эскадра британского королевского флота встретила одинокий пиратский корабль и атаковала.

Пираты дрались, как черти, с остервенением обречённых. Им оставалось либо погибнуть в неравном бою, либо быть повешенными на рее. И когда флагманский фрегат своим форштевнем проломил борт бригантини, и матросы королевского флота ворвались на её палубу, из всех пиратов в живых осталось лишь несколько человек. Среди них был и юный Джим.

Все награбленное перегрузили в трюмы флагмана, на палубе собрали оставшихся в живых пиратов для зачтения и исполнения приговора, и уже готовились потопить пиратский корабль, но тут Джим крикнул адмиралу:

– Сэр, погодите, не топите корабль! Там в каюте юная леди, а в канатном ящике заперты ещё двое пленников!

Капитана Тейлора, несчастного Бенджамена и чуть живую от страха Элизабет сняли с тонущего корабля и доставили на борт фрегата. Искалеченная бригантина, накренившись на левый борт, всё ещё держалась на воде. Прогремел залп. Пороховой дым рассеялся, и на месте, где был корабль, плавали лишь обломки рангоута и обрывки такелажа. Бригантина Чёрного Джека, так долго державшая в страхе купцов, путешественников и прочих морских бродяг, навсегда исчезла с поверхности океана.

Адмирал именем королевы произнес приговор, и матросы начали нехитрые приготовления, чтобы вздёрнуть на рее оставшихся в живых пиратов. Верёвки с петлями уже перебросили через рей, и тут Элизабет ринулась к адмиралу:

– Господин адмирал! Прошу Вас, умоляю, Христом Богом заклинаю, помилуйте этого юного пирата! Это он спас меня! Их капитан хотел надругаться надо мной, а он не позволил, он вступился за меня! Он дрался с капитаном! Пощадите его, прошу Вас, ради всего святого! Если любовь и справедливость существует ещё на этой земле, если Бог есть над нами, прошу Вас, отпустите его!

– Весьма сожалею, мисс, – ответил адмирал, – но у меня приказ королевы: всех пиратов вешать на рее. Я обязан выполнить свой долг. Возможно, Вы и правы, но я не могу поступить иначе. Я слуга Её Величества, и не имею права идти против её воли.

– Но ведь бывают же исключения, господин адмирал! Когда Чёрный Джек, это грязное, мерзкое чудовище, тащил меня в свою каюту, а мой жених и пальцем не пошевелил, чтобы хоть попытаться освободить меня, этот юный джентльмен, да именно джентльмен, иначе я не могу назвать его, набросился со шпагой на своего капитана и спас мою честь и жизнь! Прошу Вас, адмирал, пощадите его!

– Джентльмен? Они называют себя джентльменами удачи! Все они разбойники и бандиты, и не может быть им пощады.

– Да этот разбойник благороднее многих из вас! Видели бы Вы, как он сражался за мою жизнь!

Адмирал, растроганный столь пылкой защитой юной леди своего спасителя, подал знак матросам не торопиться. Он уже готов был выполнить просьбу Элизабет, как Бенджамен, не произнесший ни слова с момента нападения пиратов на их корабль, вдруг заговорил:

– Послушайте меня, господин, адмирал. О каком помиловании может идти речь, когда эти мерзавцы, заперев в трюме нашего корабля всю команду, расстреляли его из пушек и отправили ко дну!?! А этот бандит дрался с капитаном не за жизнь моей невесты, а за свою добычу! Они дрались, как дерутся хищные звери за кусок мяса! Эти выродки не имеют права называться людьми! Мерзавец затащил её в свое логово, и никому не известно, что он там сделал с ней! Но я прощаю её! Я готов простить тебя, Элизабет, слышишь? А этот бандит ничего не заслуживает, кроме петли! Это грязный и мерзкий пират!

Адмирал взмахнул рукой. И когда матросы надели на шею Джима петлю, он, глядя на Элизабет, крикнул:

– Элизабет! Я скажу Вам то, что никогда бы не осмелился сказать, если бы у меня была надежда остаться в живых. Я люблю Вас, мисс! Люблю, как никто никогда не любил на свете! Прощайте, мисс!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.